

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.8> EDN: ICLGMQ

КОНСТРУКЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИРРЕАЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ: СИНТЕТИЧЕСКИЙ СУБЪЮНКТИВ И БЕЗЛИЧНЫЕ ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Научная статья

Смурова О.В.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0007-2794-5695;¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (olsmurova[at]yandex.ru)

Предложена: 21.07.2026; Принята: 27.08.2026; Опубликовано: 16.10.2026

Аннотация

Статья посвящена исследованию конструктивных механизмов концептуализации ирреальности в древнеанглийской поэзии на материале элегий и других поэтических текстов Эксетерского кодекса, а также эпической поэмы «Беовульф». Цель исследования заключается в выявлении роли синтетического субъюнктива и безличных экспериенциальных конструкций в формировании альтернативных способов языковой репрезентации действительности. Теоретическую основу составляют положения *Construction Grammar* и теории ментальных пространств, позволяющие рассматривать грамматические конструкции как целостные единицы сопряжения формы и значения, эмерджентное значение которых возникает в результате взаимодействия морфологических, синтаксических, лексических и дискурсивных компонентов. Материал исследования включает 20310 словоупотреблений, извлеченных из древнеанглийских поэтических текстов с использованием корпусного менеджера *Korp*. Анализ основан на сочетании корпусного, конструктивного и когнитивно-семантического методов. Материал показывает, что конструкции с синтетическим субъюнктивом преимущественно организуют контрфактические, гипотетические и потенциальные сценарии, тогда как безличные конструкции репрезентируют изменение эпистемического статуса ситуации и субъективного опыта. Согласно полученным данным, интерпретация ирреальности определяется не автономным значением отдельных грамматических показателей, а эмерджентным значением конструкции в целом. Впервые соотношение синтетического субъюнктива и безличных экспериенциальных конструкций рассматривается как взаимодействие различных участков единой конструктивной сети ирреальности, различающихся способом дистанцирования содержания от фактуального мира и типом формируемых концептов. Полученные результаты уточняют роль грамматической организации в процессах концептуализации и демонстрируют продуктивность интеграции *Construction Grammar* и теории ментальных пространств при исследовании исторического синтаксиса английского языка.

Ключевые слова: ирреальность, древнеанглийский язык, грамматика конструкций, теория ментальных пространств, синтетический субъюнктив, безличные экспериенциальные конструкции, безличная конструкция кажимости, концептуализация, эмерджентное значение, конструктивная сеть.

STRUCTURAL MECHANISMS OF CONCEPTUALISING IRREALITY IN OLD ENGLISH POETRY: THE SYNTHETIC SUBJUNCTIVE AND IMPERSONAL EXPERIENTIAL CONSTRUCTIONS

Research article

Smurova O.V.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0007-2794-5695;¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (olsmurova[at]yandex.ru)

Suggested: 21.07.2026; Accepted: 27.08.2026; Published: 16.10.2026

Abstract

The article studies the structural mechanisms of conceptualising irreality in Old English poetry, based on the elegies and other poetic texts of the Exeter Codex, as well as the epic poem 'Beowulf'. The aim of the research is to identify the role of the synthetic subjunctive and impersonal experiential constructions in the formation of alternative modes of linguistic representation of reality. The theoretical framework is formed by the principles of *Construction Grammar* and the theory of mental spaces, which allow grammatical constructions to be regarded as holistic units combining form and meaning, whose emergent meaning arises from the interaction of morphological, syntactic, lexical and discursive components. The research material consists of 20,310 word occurrences extracted from Old English poetic texts using the *Korp* corpus manager. The analysis is grounded in a combination of corpus-based, construction-based and cognitive-semantic methods. The data show that constructions with the synthetic subjunctive predominantly organise counterfactual, hypothetical and potential scenarios, while impersonal constructions represent a change in the epistemic status of a situation and subjective experience. According to the obtained data, the interpretation of irreality is determined not by the autonomous meaning of individual grammatical

markers, but by the emergent meaning of the construction as a whole. For the first time, the relationship between the synthetic subjunctive and impersonal experiential constructions is examined as an interaction between different segments of a unified constructional network of irreality, which differ in the way they distance content from the factual world and in the type of concepts they form. The findings clarify the role of grammatical organisation in processes of conceptualisation and demonstrate the productivity of integrating *Construction Grammar* and the theory of mental spaces in the study of the historical syntax of the English language.

Keywords: unreality, Old English, construction grammar, theory of mental spaces, synthetic subjunctive, impersonal experiential constructions, impersonal construction of appearance, conceptualisation, emergent meaning, construction net.

Введение

Ирреальность охватывает способы языкового представления сценариев, альтернативных актуальному положению дел: гипотетических, потенциальных, желаемых и контрфактических. Применительно к древнеанглийской поэзии эти сценарии удобнее описывать не как набор изолированных грамматических форм, а как конструкции, т.е. единицы, где морфологический показатель, синтаксическая организация, лексическая семантика и дискурсивный контекст работают совместно. Такое понимание согласуется с когнитивным подходом, рассматривающим языковые единицы как средства концептуализации и категоризации опыта [1], [2]. В рамках Грамматики конструкций подобные конфигурации трактуются как целостные единства формы и значения, не сводимые к сумме значений отдельных компонентов [3].

Особый интерес представляют синтетический субъюнктив и безличные экспериенциальные конструкции как средства, принадлежащие разным уровням языковой организации. Субъюнктив маркируется морфологически, тогда как безличные конструкции относятся к синтаксическому уровню языка. В отличие от субъюнктива, который организует гипотетические, потенциальные и контрфактические сценарии развития событий, безличные конструкции привязывают содержание высказывания к точке зрения персонажа, а не к позиции рассказчика. Общим для них остается участие в концептуализации содержания, дистанцированного от фактуального мира.

Теоретическую основу исследования составляют Грамматика конструкций и теория ментальных пространств. Их интеграция позволяет рассматривать средства выражения ирреальности не как совокупность отдельных грамматических показателей, а как конструкционные единицы, формирующие альтернативные ментальные пространства посредством взаимодействия морфологических, синтаксических, лексических и дискурсивных компонентов [4]. Конструкции при этом образуют взаимосвязанную сеть, внутри которой значение каждой единицы определяется не автономно, а через систему конструкционных отношений [5].

До настоящего времени синтетический субъюнктив и безличные экспериенциальные конструкции рассматривались преимущественно как грамматические средства выражения ирреальности. Их конструкционная организация и роль в концептуализации альтернативных ментальных пространств изучены в меньшей степени. Представляется, что эти два средства образуют функционально соотнесенные, но семантически неоднородные участки конструкционной сети ирреальности. Их интерпретация определяется не собственно значением флексии или предиката, а тем значением, которое возникает у конструкции как целого.

Соотношение синтетического субъюнктива и безличных экспериенциальных конструкций рассматривается в работе через общий модальный компонент и одновременно через различие способов дистанцирования содержания от фактуального мира: событийного в конструкциях с субъюнктивом и перцептивно-эпистемического в безличных конструкциях. Древнеанглийская ирреальность предстает тем самым как конструкционная сеть, элементы которой различаются формальной организацией, значением и способом концептуализации альтернативных ментальных пространств.

Методы и принципы исследования

Материалом исследования послужили древнеанглийские поэтические тексты, отобранные из Языкового банка Финляндии (*Kielipankki*, Университет Хельсинки) с использованием корпусного менеджера *Korp*. В выборку вошли элегии, а также агиографическая поэма «Юлиана» (*Juliana*) из Эксетерского кодекса (*The Exeter Book*) и эпическая поэма «Беовульф» (*Beowulf*). Цитаты извлечены из *The Helsinki Corpus of English Texts*. Общий объем материала составил 20 310 словоупотреблений: 3010 слов в элегическом и 17 300 слов в эпическом подкорпусах.

Исследование основано на сочетании корпусного, конструкционного и когнитивно-семантического методов. Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики, рассматривающей языковые единицы как средства репрезентации и концептуализации знания. При интерпретации материала учитывались современные когнитивные методы анализа языкового значения [6]. Конструкционный анализ опирается на представление о конструкции как минимальной единице сопряжения формы и значения и предполагает реконструкцию эмерджентного значения, т.е. значения, не сводимого к сумме значений составляющих его морфологических, синтаксических, лексических и дискурсивных компонентов [7]. При интерпретации средств выражения ирреальности использовались также положения теории ментальных пространств, рассматривающей грамматические средства как механизмы организации альтернативных концептуальных областей [4].

Контексты с формами претеритного субъюнктива отбирались методом сплошной выборки, после чего анализировалось их конструкционное окружение. Экспериенциальные конструкции, репрезентирующие восприятие, эмоции, оценку и ментальные состояния, анализировались с учетом семантики предиката, способа оформления экспериенцера и организации высказывания в целом. Это позволило сопоставить морфологические и синтаксические механизмы концептуализации ирреальности в пределах единой конструкционной сети [8].

Основные результаты

3.1. Синтетический субъюнктив как средство концептуализации ирреальности

В древнеанглийской поэзии синтетический субъюнктив относится к числу основных средств репрезентации ирреальности. Современный английский язык выражает контрфактические значения преимущественно аналитическими конструкциями, тогда как древнеанглийская флексия маркировала неактуальный статус ситуации самостоятельно. Конкретная интерпретация ирреального сценария при этом определялась не самой субъюнктивной формой, а конструкцией, в составе которой она функционировала, что согласуется с данными корпусных диахронических исследований исторического синтаксиса [9]. Покажем это на нескольких примерах из поэмы «Беовульф» (*Beowulf*) и элегии «Скиталец» (*The Wanderer*).

...*Uðelice æt-buste, nefne mec God scylde* («Без труда [чудовище] ускользнуло бы, если бы Бог меня не защитил») — так в финале поединка с Гренделем описан несостоявшийся исход схватки. В отличие от современного английского языка, где аналогичное значение выражается аналитически, в древнеанглийском ирреальность здесь маркируется флексивной формой глагола *æt-berstan* («вырваться, ускользнуть») — *æt-buste*, представляющий собой синтетический претеритный субъюнктив 3-го лица единственного числа. Однако контрфактическое значение возникает не из одной этой формы, а из целого сложноподчиненного периода. Придаточное условия вводится союзом *nefnе* («если бы не») и содержит второй субъюнктив, *scylde* («защитил бы»). Главное предложение профилирует гипотетическое следствие, а придаточное задает условие, которое помешало ему реализоваться. В результате высказывание сопоставляет фактический исход поединка с нереализованным сценарием спасения чудовища, формируя контрфактическое ментальное пространство [7]. Лексическое значение *scyldan* («защищать») конкретизирует содержание этого альтернативного пространства. В нем божественное вмешательство представлено как фактор, исключающий реализацию гипотетического сценария.

Похожий механизм работает и в другом эпизоде: *þone ðe Grendel ær mane acwealde, swa he hyra mā wolde, nefne him witig God wyrd forstōde* («того, кого Грендель прежде злодейски убил, как он и других погубил бы, если бы мудрый Бог не воспрепятствовал их судьбе»). Субъюнктивная форма *wolde* («захотел бы») в сочетании с *nefnе* здесь организует альтернативный сценарий уничтожения дружины. Лексическое значение волеизъявления при этом сохраняется, но в данной конструкции оно характеризует намерение Гренделя продолжить убийства. Ирреальность определяется всей конструкционной конфигурацией, представляющей событие как возможное в прошлом, но не реализованное вследствие внешнего вмешательства, а не сводится к самой глагольной форме. Субъюнктивная флексия в этом смысле служит лишь одним из компонентов значения.

В элегии «Скиталец» (*The Wanderer*) та же по формальному устройству, но иная по функции модель обнаруживается в строках *hwær ic feor oþþe nēah findan meahthe / þone þe in meoduhealle mīne wisse, / oþþe mec frēondlēasne frēfran wolde, / wenian mid wynnum* («где бы я, далеко или близко, мог бы найти того, кто в медовом чертоге знал бы моих [сородичей] или захотел бы утешить меня, лишенного друзей, приветив радостью»). Последовательность форм *meahthe* — *wisse* — *wolde* организует пространство желаемого, но недостижимого будущего. *Meahthe* («мог бы») выражает потенциальность, *wisse* («знал бы») переводит знание в гипотетический план, *wolde* («захотел бы») сохраняет, как и в разобранный примере из «Беовульфа», значение готовности к действию. Однако в отличие от эпического материала, где *wolde* характеризует намерение продолжить убийства, здесь та же форма концептуализирует ожидаемую, но недостижимую поддержку. Разную интерпретацию определяет конструкционная организация фрагмента, а не сама грамматическая форма.

В этом примере реальное пространство изгнания сопоставляется с воображаемым пространством дома. Локус *in meoduhealle* («в медовом чертоге») символизирует защищенность, дружинное единство и социальную интеграцию [10]. Лексема *frēondlēas* («лишенный друзей») акцентирует разрушение этих связей и противопоставляется действиям *frēfran* («утешить») и *wenian mid wynnum* («приветить с радостью»). Последние остаются элементами только гипотетического сценария. Фрагмент, таким образом, не описывает воспоминание как таковое, а строит альтернативную реальность, противопоставленную фактическому положению героя.

Финал того же «Скитальца» использует субъюнктив иначе: *hū sēo þrāg gewāt, / genāp under nihthelm, swā hēo nō wære!* («как это время ушло, скрылось под шлемом ночи, как если бы его никогда не было!»). Сравнительная конструкция *swā ... nō wære* объединяет описание действительного исчезновения прошлого с его контрфактическим отрицанием. Субъюнктивная форма *wære* маркирует ирреальный статус сопоставляемой ситуации, вследствие чего реально существовавшее прошлое концептуализируется как утраченное, как если бы его не существовало вовсе. Конструкция не устраняет прошлое, а реконцептуализирует его в пределах контрфактического ментального пространства, где утрата получает статус необратимой [11]. Сравнение здесь перестает быть стилистическим приемом и становится механизмом концептуализации, результатом взаимодействия субъюнктивной формы, синтаксической организации и поэтического контекста.

В эпическом дискурсе конструкции с субъюнктивом преимущественно организуют нереализованные варианты развития событий, в элегиях же они участвуют в концептуализации утраченного прошлого и недостижимого будущего. Конкретный тип ирреальности в обоих случаях определяется не отдельной глагольной формой, а конструкцией в целом, а возникающее значение складывается из взаимодействия морфологической формы, синтаксической организации, лексического наполнения и дискурсивного контекста, а не из изолированного значения субъюнктивной флексии [12].

3.2. Безличные экспериенциальные конструкции

Ирреальность в древнеанглийской поэзии репрезентируется не только субъюнктивом, но и другими средствами, в частности, безличными экспериенциальными конструкциями, где внутреннее состояние субъекта представлено как результат внешнего воздействия или спонтанно возникающего переживания. Такие конструкции разнородны по устройству. Они включают модели, репрезентирующие восприятие, эмоциональные состояния и эпистемическую оценку. Один из подтипов — конструкция кажимости с глаголом *þynscan* («казаться»), выражающая субъективную интерпретацию действительности. Если субъюнктив формирует альтернативные сценарии развития событий, то

безличные модели организуют ирреальность иначе, через изменение эпистемического статуса воспринимаемой ситуации. Субъект переживания в этом случае не грамматический агент, а носитель возникающего психического состояния, и внимание смещается с действия на процесс внутренней концептуализации опыта.

Фразой из поэмы «Беовульф» — *Ðæs þe him Grendles giðcræft þuhte* («поскольку ему воинская сила Гренделя [таковой] показалась») — обосновывается решение героя выйти на бой без оружия: *ond nu wið Grendel sceal, / wið þam aglæcan ana gehegan / þing wið þyrse. Ðæs þe him Grendles giðcræft þuhte* («и ныне я должен с Гренделем, / с этим чудовищем, один на один держать / суд (бой) против великана, / поскольку ему воинская сила Гренделя [таковой] показалась»). На основе того, каким ему представляется (*þuhte*) боевой стиль Гренделя, герой решает, как действовать дальше, и разворачивает ирреальный на момент высказывания сценарий предстоящего рукопашного боя: *Hæbbe ic eac geahsod þæt se aglæca / for his wonhyðum wæpna ne recceð; / ic þæt þonne forhicge, swa me Higela sie, / min mondrihten, modes bliðe, / þæt ic sweord bere oþþe sidne scyld, / geolorand to guþe, ac ic mid grape sceal / fon wið feonde...* («я также слышал, что этот свирепый противник / по своей беспечности об оружии не заботится; / тогда и я пренебрегу этим, да будет Хигелак, / мой владыка людей, благосклонен ко мне духом, [пренебрегу тем], чтобы нести мне меч или широкий желтый щит на битву, но рукою я должен / сразиться с врагом...»).

Предикат *þynsan* представляет ситуацию не как объективное описание действительности, а как результат субъективного восприятия персонажа. Грамматическая структура разделяет воспринимающий субъект и содержание восприятия, поэтому рассказчик не берет на себя ответственность за истинность пропозиции. Пропозиция вводится не как факт, а как содержание чужого сознания, и ее отношение к действительности остается неопределенным. В соответствии с Радикальной грамматикой конструкций (*Radical Construction Grammar*) У. Крофта, согласно которой конструкция есть неделимое единство формы и значения [3], этот отрывок можно описать как конструкцию, запускающую гипотетическую модель и противопоставляющую ирреальный план реальному. Хотя оценка Беовульфа впоследствии подтверждается (Грендель действительно пренебрегает оружием), полученные данные не позволяют согласиться с более узким пониманием ирреальности, которое ограничивало бы ее только недостоверным содержанием. В момент произнесения содержание придаточного грамматически оформлено как неverified, принадлежащее сознанию Беовульфа, а не голосу рассказчика, и именно этот еще не подтвержденный статус позволяет герою строить на его основе дальнейший план боя. Последующее подтверждение оценки Беовульфа, снимающее эпистемическую неопределенность, является свойством содержания, а не грамматического статуса конструкции.

В рассмотренных примерах реальное событие и его субъективная интерпретация существуют в различных ментальных пространствах, соотносимых посредством экспериенциальных конструкций [11]. Такая организация соответствует переходу от актуального пространства повествования к альтернативной интерпретации происходящего, возникающей в сознании персонажа. Образ-схема CONTAINER отражает границу между внутренним пространством восприятия и внешним миром, а конструкция задает механизм перехода между ними [13].

Функционально иной случай представлен в сцене «Проповеди Хродгара», когда старый конунг предостерегает Беовульфа от греха гордыни (*oferhygd*) на примере трагической судьбы датского короля Херемода. Во фразе *þuhte him tō lytel þæt hē lange hēold, / gýtsað gromhýdig* («показалось ему слишком малым то, чем он долго владел, / жаждет он нового, свирепый умом») конструкция кажимости работает не так, как в примере с Гренделем. Если в примере с Гренделем ирреальный сценарий впоследствии подтверждается, то здесь он разоблачается как ложный самим ходом легенды. Конструкция кажимости с *þuhte* оказывается грамматически нейтральной по отношению к истинностному статусу содержания и в равной мере обслуживает точную и искаженную оценку, поскольку маркирует не достоверность, а привязку содержания к точке зрения персонажа. Безличная конструкция с *þuhte* представляет собой здесь макроконструкцию эпистемического искажения. Восприятие действительности оказывается смещенным относительно объективного положения дел. Смысл этого искажения не локализуется ни в глаголе *þuhte*, ни в сочетании *tō lytel*, а возникает как побочный эффект всей конструкционной, интерпретация которой формируется в процессе концептуально-инференционного вывода [6]. Переход от воображаемого содержания к актуальному восприятию сопровождается сменой ментального пространства, и одна и та же пропозиция получает разный эпистемический статус [4]. Ирреальность здесь возникает не из противопоставления действительного и недействительного события, а из смены когнитивной перспективы, которую организует конструкция восприятия.

Иной тип концептуализации субъективного опыта представлен экспериенциальной конструкцией *fyrwyt bræc* («любопытство охватило», буквально «любопытство сломало»): *hine fyrwyt bræc / modgehygdum, hwæt þa men wæron* («его любопытство разобрало в помыслах ума, что это были за люди»). Так в «Беовульфе» описано состояние берегового стража данов при виде высадившихся на берег чужеземцев. Здесь важно именно грамматическое устройство фразы, в которой подлежащим является *fyrwyt* («любопытство»), а страж стоит в винительном падеже (*hine*) как объект, на который направлено действие глагола *bræc*. Любопытство, иначе говоря, не приписывается стражу как его собственное, изнутри идущее состояние, а действует на него почти как удар. *Fyrwyt* при этом остается нейтральной, вполне уместной для берегового стража реакцией.

В поэме «Юлиана» (*Juliana*), также входящей в Эксетерский кодекс, та же конструкция описывает совсем другое переживание: *ða his mod ongon fæmnan lufian, hine fyrwet bræc, Iulianan* («тогда сердце его начало любить деву, любопытство его разобрало, Юлиану»). Так вводится возникновение у Гелисея (*Heliseus*) плотского вожделения к героине. Метафора СТРАСТЬ — ЭТО ВНЕШНЯЯ СТИХИЙНАЯ СИЛА поддерживается тем же глаголом *bræc* («сломало», «прорвало»), что и в примере из «Беовульфа». И здесь переживание представлено как самостоятельная сила, воздействующая на человека извне, а сам испытывающий ее персонаж синтаксически вторичен по отношению к процессу переживания [14].

Формально идентичная конструкция обслуживает в двух текстах ценностно противоположные состояния: похвальную бдительность стража и греховное вожделение гонителя христианки. Проведенный анализ позволяет

предположить, что сама по себе безличная конструкция не несет оценочного или истинностного компонента, приобретая его только в конкретной дискурсивной конфигурации.

Рассмотренные конструкции демонстрируют разные способы репрезентации внутреннего опыта, однако их объединяет общий принцип. Значение складывается не из суммы значений компонентов, а из их взаимодействия в конструкции в целом [8]. Безличные экспериенциальные конструкции формируют не описание, а особые концептуальные пространства, в которых реальность получает различную когнитивную интерпретацию. Иными словами, конструкция не создает ирреальность из ничего, а переоформляет реальное положение дел как содержание чего-то сознания.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что конструкции ирреальности в древнеанглийской поэзии функционируют не как совокупность отдельных морфологических или синтаксических средств, а как целостные конструкционные модели, объединяющие форму, значение и дискурсивную функцию. Их семантика формируется во взаимодействии морфологических показателей, синтаксической организации, лексического наполнения и контекста употребления, поэтому значение конструкции не сводится к сумме значений ее компонентов, а представляет собой результат их интеграции [12].

Интерпретация конструкций ирреальности определяется, таким образом, не автономным значением отдельных морфологических или синтаксических компонентов, а эмерджентным значением, возникающим у конструкции в целом. Это согласуется с положениями *Construction Grammar*, согласно которым конструкция — это самостоятельная единица языковой организации, обладающая собственным значением и способная участвовать в концептуализации опыта [15]. В исследованном материале именно конструкционная организация определяет характер концептуализации ирреальности, тогда как морфологические показатели реализуют свой семантический потенциал лишь в составе соответствующей конструкции.

Разные конструкционные модели формируют неодинаковые типы ирреальности. Конструкции с синтетическим субьюнктивом преимущественно организуют контрфактические сценарии, гипотетическое будущее и концептуализацию утраченного прошлого. Безличные экспериенциальные конструкции, напротив, репрезентируют изменение эпистемического статуса воспринимаемой ситуации и внутреннего опыта субъекта (персонажа). При структурных различиях все рассмотренные конструкции выполняют, однако, одну и ту же когнитивную функцию. Они организуют альтернативные ментальные пространства, в которых моделируются недоступные непосредственному опыту варианты действительности [11].

Если субьюнктив традиционно рассматривается как показатель нереференциальности или гипотетичности, то материал древнеанглийской поэзии подсказывает более широкий взгляд. На основании полученных данных, можно утверждать, что концептуализирующая функция принадлежит конструкции в целом. Именно конструкционная конфигурация определяет способ организации альтернативного ментального пространства, характер отношений между актуальной и гипотетической ситуациями и тип возникающего концепта. Конструкции ирреальности в этом смысле — это когнитивные механизмы формирования концептов невозможности, утраты, альтернативного прошлого, субъективной интерпретации и гипотетического будущего.

Следовательно, уже на древнеанглийском этапе грамматика выполняла не только репрезентативную, но и концептообразующую функцию. Систему конструкций ирреальности можно поэтому рассматривать как особый участок конструкционной сети языка, обеспечивающий формирование альтернативных способов моделирования действительности и отражающий когнитивные механизмы осмысления опыта в раннесредневековой англосаксонской культуре [16].

Заключение

Проведенное исследование показало, что конструкции ирреальности в древнеанглийской поэзии функционируют как самостоятельные когнитивные механизмы концептуализации, посредством которых формируются альтернативные модели действительности. Синтетический субьюнктив и безличные экспериенциальные конструкции маркируют не только неактуальный статус ситуации, но и организуют разные типы концептуального содержания: невозможность, альтернативное прошлое, гипотетическое будущее, утрату, субъективную интерпретацию опыта.

Концептуализирующая функция принадлежит не отдельным морфологическим показателям, а конструкции в целом, а значение складывается из взаимодействия лексики, синтаксиса и дискурсивного контекста, т.е. возникает как эмерджентный результат этого взаимодействия. Древнеанглийские конструкции ирреальности в этом смысле служат не только средством грамматического выражения гипотетичности, но и механизм когнитивной организации альтернативных ментальных пространств.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии конструкционного подхода к анализу исторического языкового материала и в уточнении роли грамматики в процессах концептуализации. Результаты работы, на наш взгляд, подтверждают продуктивность интеграции *Construction Grammar* и теории ментальных пространств при исследовании древнеанглийского синтаксиса.

Дальнейшие перспективы связаны с расширением корпуса анализируемых текстов, сопоставлением конструкций ирреальности в разных жанрах древнеанглийской письменности, а также с изучением их эволюции в среднеанглийский период, уже в условиях складывающейся аналитической грамматической системы. Отдельный интерес представляет то, как конструкционная сеть ирреальности менялась в контексте аналитического дрейфа английского языка и трансформации способов языковой концептуализации альтернативных моделей действительности [5], [17].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний: когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев. — Москва: ЯСК, 2019. — 477 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения; роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
3. Croft W. Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective / W. Croft. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — 416 p.
4. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 190 p.
5. Sommerer L. Constructional Networks / L. Sommerer, F. Van de Velde. // The Cambridge Handbook of Construction Grammar; edited by M. Fried K. Nikiforidou — Cambridge: Cambridge University Press, 2025. — P. 220–246.
6. Болдырев Н.Н. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ / Н.Н. Болдырев, Е.В. Федяева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 686–703. — DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703.
7. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. — New York: Basic Books, 2002. — 440 p.
8. Perek F. Construction Grammar and Usage-Based Theory / F. Perek. // The Handbook of Usage-Based Linguistics; edited by M. Diaz-Campos S. Balasch — Hoboken: Wiley Blackwell, 2023. — P. 215–231. doi: 10.1002/9781119839842.ch12.
9. Hilpert M. Corpus linguistics meets historical linguistics and construction grammar: how far have we come, and where do we go from here? / M. Hilpert // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. — 2024. — Vol. 20. — № 3. — P. 481–504. — DOI: 10.1515/cllt-2024-0009
10. Fillmore C.J. Frame Semantics / C.J. Fillmore. // Linguistics in the Morning Calm; edited by the Linguistic Society of Korea — Seoul: Hanshin Publishing Company, 1982. — P. 111–137.
11. Kwon I. Mental Spaces Theory and Multilayered Meaning Construction / I. Kwon // WIREs Cognitive Science. — 2025. — Vol. 16. — № 2. — Art. e70002. — DOI: 10.1002/wcs.70002.
12. Goldberg A.E. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language / A.E. Goldberg. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 280 p.
13. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
14. Möhlig-Falke R. The Early English Impersonal Construction: An Analysis of Verbal and Constructional Meaning / R. Möhlig-Falke. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 546 p. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199777723.001.0001
15. Hoffmann T. Construction Grammar: The Structure of English / T. Hoffmann. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — 336 p. doi: 10.1017/9781108303576
16. Hilpert M. Ten Lectures on Diachronic Construction Grammar / M. Hilpert. — Leiden ; Boston: Brill, 2021. — 218 p. doi: 10.1163/9789004466272
17. Fanego T. English motion and progressive constructions, and the typological drift from bounded to unbounded discourse construal / T. Fanego // Language Sciences. — 2024. — Vol. 101. — Art. 101598. — DOI: 10.1016/j.langsci.2023.10159

Список литературы на английском языке / References in English

1. Boldy'ev N.N. Yazyk i sistema znaniy: kognitivnaya teoriya yazyka [Language and the System of Knowledge: A Cognitive Theory of Language] / N.N. Boldy'ev. — Moscow: YASK, 2019. — 477 p. [in Russian]
2. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya; rol' yazyka v poznanii mira [Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya; rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: On the Way to Obtaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View; The Role of Language in Knowing the World]] / E.S. Kubryakova. — Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. — 560 p. [in Russian]
3. Croft W. Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective / W. Croft. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — 416 p.
4. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 190 p.
5. Sommerer L. Constructional Networks / L. Sommerer, F. Van de Velde. // The Cambridge Handbook of Construction Grammar; edited by M. Fried K. Nikiforidou — Cambridge: Cambridge University Press, 2025. — P. 220–246.

6. Boldirev N.N. Kognitivnie metodi issledovaniya v lingvistike: kontseptualno-inferentsionnii analiz Kognitivnie metodi issledovaniya v lingvistike: kontseptualno-inferentsionnii analiz [Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual and Inferential Analysis] / N.N. Boldirev, Ye.V. Fedyaeva // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhbi narodov. Seriya: Teoriya yazika. Semiotika. Semantika [PFUR Bulletin of Language Studies, Semiotics and Semantics]. — 2023. — Vol. 14. — № 3. — P. 686–703. — DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703. [in Russian]
7. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. — New York: Basic Books, 2002. — 440 p.
8. Perek F. Construction Grammar and Usage-Based Theory / F. Perek. // The Handbook of Usage-Based Linguistics; edited by M. Diaz-Campos S. Balasch — Hoboken: Wiley Blackwell, 2023. — P. 215–231. doi: 10.1002/9781119839842.ch12.
9. Hilpert M. Corpus linguistics meets historical linguistics and construction grammar: how far have we come, and where do we go from here? / M. Hilpert // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. — 2024. — Vol. 20. — № 3. — P. 481–504. — DOI: 10.1515/cllt-2024-0009
10. Fillmore C.J. Frame Semantics / C.J. Fillmore. // Linguistics in the Morning Calm; edited by the Linguistic Society of Korea — Seoul: Hanshin Publishing Company, 1982. — P. 111–137.
11. Kwon I. Mental Spaces Theory and Multilayered Meaning Construction / I. Kwon // WIREs Cognitive Science. — 2025. — Vol. 16. — № 2. — Art. e70002. — DOI: 10.1002/wcs.70002.
12. Goldberg A.E. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language / A.E. Goldberg. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 280 p.
13. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
14. Möhlig-Falke R. The Early English Impersonal Construction: An Analysis of Verbal and Constructional Meaning / R. Möhlig-Falke. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 546 p. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199777723.001.0001
15. Hoffmann T. Construction Grammar: The Structure of English / T. Hoffmann. — Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — 336 p. doi: 10.1017/9781108303576
16. Hilpert M. Ten Lectures on Diachronic Construction Grammar / M. Hilpert. — Leiden ; Boston: Brill, 2021. — 218 p. doi: 10.1163/9789004466272
17. Fanego T. English motion and progressive constructions, and the typological drift from bounded to unbounded discourse construal / T. Fanego // Language Sciences. — 2024. — Vol. 101. — Art. 101598. — DOI: 10.1016/j.langsci.2023.10159